

27 мая 1951 года.

Работы все нет. В этом месяце мой заработок составляет едва ли больше тысячи. Оконгательный пункт чуть побольше трехсот рублей, а аванс получил всего пятьсот. Вообще получается очень плохо.

Дом тоже наметает большие неприятности. Шурка все больше и больше заикается о расширении своей территории. Очень интересно получается. Как только намочит или покусит дрова и производит какой-нибудь ремонт, так она всегда отъезжает, что хозяева мы, так сами и рассуждают, а сейчас

совсем другое заговорила.

Очень много у нее собственных планов. То, она хотела занять нашу комнату, прогнать в нее ход из своей комнаты. То поехать в нее сама, а нас переселить в нее.

А сейчас хочет уже продать свою комнату кому-нибудь из посторонних. Но денег из ее планов не выйдет. Продать комнату ей не удастся так как никто документов на продажу ей делать не будет. А так без документов у нее никто не купит. Если хочет жить, то пусть живет, а не хочет - пусть уезжает.

То что они с Ивановым расстанутся и увезут к себе на зиму его мать, тоже едва ли выйдет. Во-первых мы не разрешим ее проносить, а во-вторых ей и спать-то негде

бюджет. У них в комнате места нет. В большой комнате спит мама с Борисом, а в кухне кровать ставится куда-то. Но и это за жизнь будет, если в одной квартире будут жить две старухи Шушу Голька не берет. Иван, застывает, что я с Зимой хорошо жизнь устрои и всем обеспечен. Так по моему так, если бы он не метался, как овца хвост, так он был, наверняка, обеспечен не худшей квартирой. А на шумную собственность его развешать не надо. Это я ему при слуге и самому скажу. Видно из всего, что материал для ремонта дома мне придется добывать самому. На него я не очень-то надеюсь, да и не хочу читать от него помощи. За счет этого ремонта он расшибет как ставь хозяином квартиры, но это ему никак не удастся. Видели и не таких, а этот как-нибудь тоже в дураки обойдется. Все-все равно будет по-моему.